

Переоценка ценностей

О парадоксах Хелью Ребане и «факторе бабочки»

Книга эстонки, пишущей по-русски, Хелью Ребане «Кот в лабиринте» вначале вызывает подозрение, что рассказы её не блещут оригинальной культурой замысла, есть в них некая обыденность существования персонажей. Но, прочитав и потом для вящего убеждения перечитав иные из них, понимаешь: а ведь писательница не так проста, её описания — притчи из нашей жизни, недоступной многим для погружения и поиска смысла её явлений, обстоятельств и существующих рядом с ними человеческих натур.

Мастерство, железная рука формы — не случайны, можно говорить о новом, не голубом и не розовом, а трагедийно пунцовом периоде творчества, когда писатель обязан обрести мудрость.

Рассказ «Город — веретено» переключается с Городом Солнца Средневековья, вдруг построенном посреди обыденного мира. Сарказм остаётся за кадром журналистики, беседующей с мэром об устройстве разных социумов и их связях в «зоне чистого разума». Читатель не захочет жить в технограде, где человек подобен кокону бабочки в паутине безумных цивилизаций, планируемых ныне.

На некую антитезу темы претендует рассказ «Аристарх и ручная бабочка». Пестование бабочки радикально меняет угрюмость научного сотрудника на житейский «оживляж», наконец, нормирует подобие гармонии в душе. Бабочка как страсть, как факел, гуманизирующий людей и несомый куда-то к японцам — сюжет не для

притчи, оттого отношения между героем и близким социумом более прочувствованы писательницей...

«Фактор бабочки» ещё раз использован Хелью Ребане в фантастическом сне некоего человека, услышавшего голос: «Великое Кольцо Разума решило вступить в контакт с вашей цивилизацией». Вспомним сентенцию Достоевского о «слезе ребёнка», бабочка — метафора в диалоге с Богом, если отождествлять его с Разумом. Персонаж рассказа увидел во сне, как в пыльном окне бьётся бабочка, и дёргает за

ручку — окно распаивается, но зачтётся ли этот поступок, если человек в реальной жизни идёт на службу и видит бабочку на пыльном подоконнике? Его взгляд равнодушно скользнул по ней, хотя был шанс — она еле заметно шевельнула крыльями. Для «Кольца Разума» тут нулевое значение, контакта нет с недочеловеком.

Вообще логика замысла писательницы более тяготеет к рационализму фабул и конструирования сюжета, часто весьма условного, кстати, этого принципа держался Достоевский, помещавший своих персонажей, словно в лабораторию, в разные обстоятельства с высокими токами напряжения души. Рассказ «Кот в лабиринте» оставляет впечатление парадокса: человек устал от бизнеса и согласился на игру в лабиринт с тем отличием от греческого мифа о лабиринте царя Миноса, что боги прислали на роль Ариадны обыкновенного кота. Здесь интересно выписан страх персонажа, день за днём мятущегося в клетках под открытым, но недостижимым небом. Страх, потом воля к действию, мотивированная котом, — житейские, на первый взгляд, но рассказ более реалистичен, чем фантастическая игра, постановка, цена которой — смерть персонажа и отход его имущества «фирме». В этом контексте голос сверху, «намяуканный» котом, звучит как голос Высшего Разума: «Се человек!»

А вот рассказ «Скелет» поражает принципом парадоксальности, связанным напрямую с психикой человека. В поезде как будто двое: мужчина и его попутчица, и никакой фантазмагии, если персонаж пережил развод с женой — ядовитой до скандала, питал мысль (только мысль!) о её убийстве, но этот факт подосознания воссоединился с газетной криминальной хроникой и стал его тайной, его сумасшествием, его галлюцинацией.

Хелью Ребане предпочитает конструировать притчу, но свойства фабулы как будто вырываются, забегая вперёд. Только притча бывает пограничная с анекдотом, как в рассказе «Чёрный силуэт» о дознальнике следователем убийства. Преступника последний не желал слушать, вся соль рассказа — в этом, но преступник убили писателя-детективщика, ни разу не придумавшего развязку своего рассказа. Вовлечённый в действие, заинтригованный слушатель желал знать, что дальше было? Так и следователь, попав на эмоциональную волну не успев расслышать последние слова преступника, и грохнул увесистой Фемидой по башке не услышав последних слов: «Вот у меня и сдали нервы».

В рассказе «Эксперимент Гессеринга» писательнице интересно взглянуть на тему «Город-веретено» с близкого расстояния: на перевалочном пункте межпланетной станции собирают бездетные пары мужчин и женщин. Как принято в народе думать, на каждого умного — по дураку: всё поровну, всё справедливо, но теперь в разрезе эгоист — альтруист, дабы развести их по разным планетам (Эгос и Альтрус). Закон Гессеринга гласил: «Эгоисты женятся на альтруистах». Статистика! Эгоизм требует жертв, желательна — добровольных, но Гессеринг был разочарован: эгоизм и альтруизм — не наследственные качества, как цвет глаз или темперамент. Постановщиков эксперимента ждало разочарование.

Что позволяет Хелью Ребане удерживать жёстко и властно сюжет, создавать совершенно не женскую суперидею, мыслить независимо от пресловутого рынка, той или иной гранью замысла раздвигая пределы фантастики прошлого в её интеллектуальном значении для читателя?..

Петр РЕДЬКИН

«Светом любви обречённый...»

О сборнике Сергея Бударина «Сторона речного ветра. Стихотворения»

Творческий почерк Сергея Бударина значительно отличается от почерка его молодых сверстников, прежде всего, следованием классической традиции, осознанной ориентацией на неё: на стихи Кольцова, Некрасова, Есенина, Рубцова. Это для современного молодого автора действительно необычно. И хорошо то, что стихи Сергея Бударина представляют собой не прямые подражания, а продолжение традиции, и в его произведениях ощущается опосредованное влияние классической поэзии. И даже когда в стихах вдруг слышится прямо-таки есенинская интонация, индивидуальность автора поддерживают собственные, сотворённые вновь поэтические образы:

Ива в осеннем дворе
Тихим задумчивым днём,
Словно свеча в алтаре,
Вспыхнула жёлтым огнём.
Ветер метёт по земле
Воск шелестящей листвы.
Плещут в заоблачной мгле
Лебеди свет-синевы.
Осень, молитву шепча
Перед иконой небес,
Светится, словно свеча,
В предощущенье чудес.

В стихах Сергея Бударина прослеживается связь человека, лирического «я» не просто с природой, а с жизнью. Природа, любой, самый простой пейзаж становится

олицетворением человеческой души, тех чувств, которые испытывает лирический герой. Ему не нужно говорить «прямо от себя» (местоимение «я», кстати, Бударин использует довольно редко и нечасто ведёт речь от первого лица), за него говорит природа, её стихии: ветры, зори, дожди и деревья. И это очень мудро: автор не индивидуалист, не эгоист («Никого не хочу я обидеть, / Всем на свете желаю добра...»). Он никого не обвиняет в своих поэтических страданиях, даже если пишет о несложившейся любви:

Дорогая, пойми меня верно:
Тебя за руку я не держу.
Но и дереву осенью скверно,
Если шепчет листва: «Ухожу».
.....
Дорогая, пойму тебя верно:
Кто листою сорвался с ветвей,
Отлетает от дерева нервно,
Ощущая утрату больней...

Стихи поэта — чистые и светлые, образы — яркие, чётко прорисованные. При этом во многих произведениях автор — скорее созерцатель, наблюдатель в этом мире, но это созерцание не отстранённое, а действенное:

С бледной ладони небес
Снял ты кольцо золотое.
Светом рассеял окрест
Веще слово святое.

В млечной магической мгле,
В бездне космической чёрной
Встал я, чтоб жить на земле,
Светом любви обречённый...

Сергей Бударин очень естественно и проникновенно пишет о родине. Для молодого автора это удивительно. Патриотические стихи у поэта получаются естественными, не высокопарными, не абстрактными, а лишёнными фальши и действительно передающими движения человеческой души:

Сердце объято любовью...
Русь, я тебя ль полюбил?
Снежной морозной порою
Нежный твой образ хранил.
.....
Всякий —
весёлый и грустный —
Принадлежу тебе весь
Только за то, что я русский,
Только за то, что ты есть.

Во все свои стихи Сергей Бударин вкладывает яркую, нерастратенную энергию, жажду дорог, путешествий, свершений («Я уйду в ночные степи...»). И печаль сожаления о разлуках и покинутом родном доме уравновешивается радостью светлого пути: «Будет встреча, как песня, светла», — пишет поэт. И действительно,

все его напевные стихи исполнены света и любви, и именно своей гармонией они и привлекают читателя.

Елизавета ДАНИЛОВА,
главный редактор
журнала «Волга. XXI век»